

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Бравина Р.И. — Археология фольклора: древние обитатели Восточно-Сибирской Арктики // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.8.39818 EDN: WLLPMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39818

Археология фольклора: древние обитатели Восточно-Сибирской Арктики

Бравина Розалия Иннокентьевна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>

доктор исторических наук

заведующий отделом археологии и этнографии, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Федерального исследовательского центра "Якутский научный центр" Сибирского отделения Российской академии наук

677027, Россия, республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 1

✉ bravinari@bk.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.8.39818

EDN:

WLLPMZ

Дата направления статьи в редакцию:

20-02-2023

Аннотация: Предметом исследования являются аборигенные племена якутской Арктики по материалам фольклора коренных народов Северо-Востока Азии. Мифологические сюжеты и фольклорные тексты включают образы от мифических персонажей – духов-хозяев иччи, кучуна периферийных пограничных территорий и диких «полулюдей-полуживотных» чучуна/сучуна, до представителей чужеродных племен омук с их необычной внешностью и повадками: «волосатых» великанов, крошечных человечков и людей, «засыпающих на зиму». Цель и задачи статьи – обобщение, систематизация и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии, топонимики, этнографии и археологии. В жанрах якутского фольклора хотя и выделяется цикл легенд и преданий о неякутских племенах, но тем не менее нет специальной статьи, посвященной древним обитателям арктического побережья и островов северных морей Якутии. Фольклорные тексты содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные пласты мифологических представлений и народных знаний, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурским, палеоазиатским,

самодийским и финно-угорским народам. При этом сюжеты преданий и легенд постоянно развивались, впитывая в себя и мифологические представления, и реальные черты быта арктических охотников и оленеводов, а также обрывки раннерусского фольклора. Столь широкое ареальное распространение можно объяснить единым историко-культурным наследием, включая и фольклорные традиции Северной Евразии.

Ключевые слова:

Восточно-Сибирская Арктика, Северный Ледовитый океан, якуты, тунгусы, археология, фольклор, топонимика, духи, приморские люди чучуна, чужеродные племена

Введение. Одной из актуальных задач исторической науки в новых геополитических условиях является исследование и обобщение исторического опыта присутствия России в Арктике и Северном Ледовитом океане с древности по настоящее время. Цель настоящей статьи – обобщение, систематизация и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии, топонимики, этнографии и археологии. Г. У. Эргис, классифицируя жанры якутского фольклора, среди исторических преданий особо выделил цикл легенд и преданий о неякутских племенах Якутии, отметив «их ценности в качестве источника по изучению истории северных аборигенных племен» [\[26, с. 244–246\]](#). Иного взгляда придерживался другой якутский фольклорист В. М. Никифоров, по мнению которого якутские сюжеты идентичны хронологически поздним долганским преданиям о «беглых русских» и по этой причине не представляют интереса ни в информативном, ни в источниковом отношении [\[14, с. 48–49\]](#). Даже с этой точки зрения любой этнокультурный ландшафт сохраняет в себе разновременные и разнородные, различные по своему происхождению слои знаний и представлений о его обитателях. Именно в этом контексте нами использовано понятие «археология фольклора», выведенное в название настоящего исследования.

Основу исследования составляют материалы, опубликованные Г. В. Ксенофоновым (1937), А. П. Окладниковым (1948), И. С. Гурвичем (1978), а также фольклорные тексты и этнографические сюжеты, зафиксированные в трудах полярных исследователей XIX – начала XX вв., в полевых материалах северной экспедиции (1939–1941 гг.) Института языка и культуры при СНК ЯАССР, хранящихся в архиве Якутского научного центра СО РАН.

В исследовании применялись описательный, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

«Приморские люди», дух кучуна. Якуты освоили арктические территории задолго до прихода русских, что подтверждается археологическими памятниками раннеякутской культуры «малых домов» (XIV–XVI вв.) на Нижней Лене [\[11, с. 211–216\]](#). Эти данные органически сочетаются с топонимикой побережья моря Лаптевых от реки Хатанга до мыса Святой Нос и Новосибирских островов, где якутские названия составляют 85% [\[23, с. 5\]](#).

Северные якуты признавали существование «приморских людей» (як. *муора киси*), которым были свойственны весьма причудливая внешность и способность к волшебству. «Схватішь его, напри́меръ, рукою, а тамъ... пустое место, человекъ исчезъ, – говорится в записях В.Л. Серошевского, сделанных в Колымском округе в 1883 г. – Или есть среди

ніх люди, котрыя могут расколоться надвое, прїдеть одїнь, а окажется ихъ двое, головы у нїхъ неть, а глаза, ротъ и носъ помещается у нїхъ подъ мышкой, отчего они, разговарївая, принуждены махать руками. Эти чудовїща отлїчно ныряють и плавають по морю» [19, с. 73]. По данным И. А. Худякова, жиганские якуты, кочующие по берегам Ледовитого моря и верхоянские ламуты, бродящие на западе по горным каменистым речкам, называют приморских жителей *лучуна* и приписывают им огромный рост [25, с. 81. 100]. Подобные рассказы, основной сюжет которых довольно устойчив, во многом перекликаются с преданиями о «диких людях» *чучуна/сучуна*, имевшими распространение в северных районах Якутии [8].

Аллаиховские якуты и юкагиры, кочующие по прибрежной тундре, близким словом *кучуна* называли духа Ледовитого океана. Он ростом с человека, худого телосложения, с черным лицом, покрытым шерстью. Носит одежду из рыбьей кожи с шерстью (нерпы? Р. Б.) типа чукотской кухлянки. Вооружен «худым» примитивным луком, носит за спиной колчан с 8–9 стрелами с костяными наконечниками, имеет копье с обмотанным кожаными ремнями древком. *Кучуна* летом обитает в прибрежной тундре. Он не умеет говорить, только твякает подобно песцу и издает пронзительный свист. Ночью приходит на стойбище и крадет с лабазов высушенную оленину. Однажды юкагиры отправили свою дочь пригнать оленей. Через год тело ее нашли на берегу моря. *Кучуна* соорудил из трех жердей остов вроде чума. Дух порвал тело девушки на две части. Верхнюю половину усадил внутри остова лицом к морю, вероятно, поднося жертвоприношение духу моря. Говорят, кто посмотрит на *кучуну* – ума лишится или умрет в скором времени [1].

К приморским людям относились и иные, чужеродные племена *омук*. Верхоянские якуты, например, к ним относили эвенов и эвенков [6, с. 285], а аллаиховские же якуты – чукчей [2]. Среди *омук* попадались люди со странными повадками. В 1908 г. П. В. Слепцов записал рассказ о тунгусе, откочевавшем на запад и встретившем людей *омук*, вполне нормальных с виду. Он женил своего сына, и они увезли молодую с собой. На прощание тесть сказал зятю, чтобы он не вздумал навещать их зимой. Молодой человек удивился, но подстрекаемый любопытством, как только наступила зима, ничего не сказал жене и поехал к тестю. Подъезжая заметил, что снег возле дома не утопан, никто по нему не ходил. Влетев в дом, увидел, что все домашние сидели с поникшей головой, скрестив ноги, а из носа свешивались ледяные сосульки, примерзшие к полу. Испугавшись, зять разбил у тестя сосульку и тот молча упал. Вернувшись понурясь домой, он рассказал обо всем жене. Она заплакала и сказала, что он убил ее отца. «Вот какие странные люди бывали, говорят далеко на Севере. Они зимою, когда из носа опускались вниз сосульки, умирали, весною же, когда льдинки оттаивали, воскресали» [10, с. 114].

Духи-хозяева и обитатели морских островов. С началом промышленного освоения морских островов в конце XVIII в. из числа северных якутов и русских арктических старожилов стали создаваться артели по добыче ископаемой мамонтовой кости, и арктический геоландшафт постепенно стал наполняться архетипической матрицей якутской культуры. В архаическом восприятии якутов Ледовитый океан *Муус-Кудулу* приравнивался к «иному» миру. В якутском эпосе олонхо он располагается на севере, на самом краю земли, «у истока смерти самой». Его границы охраняют духи моря *Муус Солуонай* (як. *муус* – лед, ледяной; *солуонай* – искаж. русс. соленый) и *Муус Суорун* (як. *суорун* – ворон) [15, с. 15, 427]. В эпических текстах описываются обитатели морских глубин – «зубастые чудовища-рыбы», «остроклыкие огромные звери», а также «духи

подземной тьмы с никогда произносимыми грозными именами» [15, с. 200, 202]. К последним относились мамонт и белый медведь. Примечательно, что среди арктических топонимов не встречается якутское название мамонта *сэлии*, а используются иносказательное *муос* — рога или искаженное русское *мааман*. Например, Новосибирские острова из-за обилия ископаемой мамонтовой кости якуты называли «Муостуур арыы» (букв. острова, где промышляют рога, т.е. мамонтовые бивни). В топонимике Арктики больше всего «медвежьих» названий, их около сотни, но тем не менее, только одно из них является якутским — лагуна Эселях (як. Медвежья). По представлениям якутов, медведь является духом-хозяином Нижнего мира, скованного вечными льдами. М. И. Бруснев писал, что якуты-промышленники тушу убитого белого медведя не едят, в отличие от черного таежного, а разрубаят на куски и закапывают их в землю порознь, сердце режут по количеству сторон света на четыре части, глаза выкалывают, чтобы зверь не мог прийти и отомстить [22, с. 126].

Существовало табу и на якутские имена духов-*иччи* островов. Так, духом или божеством, «выпускающим из-под земли мамонтовую кость» якуты считали господина *Юмючюгюн* и госпожу *Ньидьигин* [25, с. 288]. По пояснению С. И. Шариной — к.ф.н., с.н.с. отдела северной филологии ИГиПМНС СО РАН, если этимологизировать приведенные выше словоформы, то можно выйти на эвенские слова «эюмэттэй» — плавать на поверхности воды и «нидэрдэй» — вдавиться, опуститься, провалиться [18, с. 350, 192]. В местах, где находили много мамонтовой кости в честь этих духов якуты вешали ритуальные веревки *дэлбиргэ* и пучки конских волос, о чем свидетельствует названия островных местностей *Дэлбиргэлэх* (с ритуальной веревкой), *Сиэллээх* (с пучком конских волос).

Обиталищем духов-хозяев *иччи* морских островов якуты считали полуостров Кисилэх (як. *киси* — человек), окаймленный стеной из причудливо обработанных ветром гранитных останцев в виде фигур людей, у подножия которых местные промысловики оставляли жертвоприношения — игральные карты, ленточки, конфеты, мелкие деньги. Когда в свое время А. А. Бунге пытался отбить образцы кисилихских гранитов, они решительно воспротивились, опасаясь гнева каменных исполинов [22, с. 26].

Островной дух представлялся в виде старика, одетого в белые меха, который ездил на нарте, запряженной белыми собаками. Он был страстным картежником. Якуты говорят, что иногда духи-хозяева островов и близлежащих материковых земель собираются вместе, чтобы играть в карты. Когда проигрывает островной *иччи*, а материковый в выигрыше — на материке много песцов, а на островах они исчезают. Так же объясняется и неравномерность появления стад диких оленей и их численности. Якуты полагают, что *иччи* проигрывали не только песцов и оленей, но и мамонтовые бивни [22, с. 195].

Во время экспедиции 1925 г. Г. В. Ксенофонов записал у жиганских и усть-янских якутов, промышлявших на ближайших островах, легенды и предания об их древних обитателях — волосатых великанах [12, с. 387]. Сюжеты этих легенд однородны. Охотник (в разных вариантах – якут, тунгус, долган, казак), объезжавший песцовые пасти (на островах Новая Сибирь, возле Русского Устья, на р. Оленек), придя в свое зимовье, застаёт незнакомца громадного роста с бородатым лицом. Тайком следуя за ним, охотник прибывает в поселение, состоящее из нескольких жилищ. Он входит в крайний дом и в сенях обнаруживает развешанную меховую одежду. Обитатели дома, лежа в постелях, слушают певца, подбадривая его якутским возгласом «ноо». Из разговора с белолицей женщиной, тело которой было сплошь покрыто шерстью, он узнает, что пришел к «волосатому народу». На прощание женщина дарит охотнику суму, набитую мехами.

Интерес представляют и примечания информаторов. Один из них упоминает имя барона Толля, который якобы погиб во время поисков этого таинственного народа. Другой добавляет, что когда будет найден бородатый народ, то должно быть с ним великое сражение [\[13, с. 288-291\]](#).

Этот сюжет имеет свое развитие в предании, зафиксированном А.П. Окладниковым на Нижней Лене. В Туматском наслеге местные рассказывали, что лет восемьдесят тому назад, т. е. в середине XIX в., выстрелом с острова был убит капитан корабля, предположительно американского. После этого русские построили здание для охранного поста от возможного нападения дикого островного племени [\[17, с. 100\]](#).

Среди фольклорных текстов этого цикла особняком стоит бытовавшая среди оленёкских эвенков легенда о малорослом племени *кырбас омур* (як. *кырбас* — кусочек, кроха) из Ледяной горной страны, расположенной посреди Ледовитого океана. Эти люди были настолько малы ростом, что из шкуры белки шили одну шубу, песка — три, волка — пять, белого медведя — десять. Это было многолюдное племя, во главе которого стоял мудрый вождь. Они ездили на собачьих упряжках, жили в домах из снега и льда, охотились на тюленей, белых медведей и белугу. Однажды вождь собрал свой народ и поведал, что под вечным льдом слышится какой-то гул, сопровождаемый дрожанием морского дна, и предложил перекочевать на материковую землю. Как только люди покинули остров, гора изверглась со страшным грохотом, до небес поднялся столб огня, и все разрушилось. От оставшихся в живых мелких людей произошли малорослые тунгусы [\[3, с. 92-93\]](#).

Обсуждение. Анализируемые выше тексты свидетельствуют о том, что в традиционном обществе коллективное сознание оставалось глубоко мифологизированным и воспринимало аборигенные племена как обитателей иных миров. Архаичные представления о «полулюдях-полуживотных» *чучуна/сучуна* близки к распространенным мотивам асимметрии демонических персонажей и хтонических духов в эпосе олонхо. Например, в оленёкском варианте предания одноногий и однорукий *чучуна/сучуна* сродни эпическим богатырям Нижнего мира [\[7\]](#). В тоже время безголовые «приморские люди» в записи В. Л. Серошевского, рот и нос которых находится под мышкой напоминают древнее описание «самоедов» из сочинения конца XIV–XV в. «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных», написанного еще до Ермака. «Самоедь такова: вверху рты, ротъ на темени, а не говорить...; а коли едятъ, ... они плечима движуть вверхъ и внизъ» [\[21, с. 4\]](#).

Несмотря на то, что подобные рассказы сохранились на севере Якутии вплоть до конца XIX в., *чучуна* постепенно приобретает вполне антропоморфный облик и «одомашнивается». В одном из поздних вариантов преданий этого цикла он отличается от людей только огромным, с лиственницу, ростом и такой мощью, что голыми руками разрывает оленя пополам [\[10, с. 116, 117\]](#). В другом варианте *чучуна* насильно уводит из стойбища молодую женщину в свой дом, который представляет собой традиционное жилище *холомо*, «но покрытый мхом и ветвями, с одной дверью и тремя окнами» [10 с. 115–116]. Дальнейшая трансформация представлений о *чучуне* зафиксирована А. А. Саввиным в 1940 г. у аллаиховских якутов, которые допускали, что *чучуна* – это «земной плут чукча» (якут. *сир албына чукча*), который бродит в одиночку в поисках новых оленьих пастбищ. Чукчи при знакомстве с местными, посмеиваясь, рассказывали, где, когда и при каких обстоятельствах они его видели [\[2\]](#).

О происхождении и сущности легенд об арктических великанах высказывалось немало

гипотез. По мнению Г. В. Ксенофонтова, легенда, вероятно, была занесена в высокие широты либо оленными тунгусскими родами, вышедшими из Амура, либо казаками, ходившими в походы на Охотское море и встретившими в южной части Сахалина бородатых айнов [12, с. 388-390]. В мифах народов Приамурья духи-хозяева воды изображались в виде седоволосых людей с длинными бородами и волосами, которым во время праздника «кормления воды» приносили жертвы. А «рыбьекожие» нивхи, живущие на морском побережье, и ороки Сахалина ставили у самого берега моря наклонно друг к другу прутья, на концах которых вырезали стилизованные изображения мужских и женских лиц [20, с. 77]. Описываемый ритуал мог быть одним из сюжетообразующих мотивов предания о кучуне, приносящем жертвоприношение духу Ледовитого океана.

В варианте легенды, записанной Б. О. Долгих, охотник видит в сенях жилья бородатых людей «много медведей разного цвета, сложенные как поленища дров клыки мамонта». Это, по его мнению, указывает на факт очень раннего появления русских на северном побережье Сибири к востоку от Таймыра, тайно занимающихся сбором мамонтовых бивней, что проявляется, в частности, в мотиве скрытности и замкнутости волосатых обитателей. А. П. Окладников, включивший его статью в качестве приложения в свою монографию о русских мореходах XVII в., не принял подобную трактовку легенды, отметив, что в ее основе лежат мифологические представления о божествах охоты и хозяевах леса — дарителях охотничьего счастья, широко распространенные у многих охотничьих племен Сибири [16, 151-152]. Следует отметить, что подобные предания зафиксированы также в фольклоре энцев и нганасан [9, 150-153].

Волосатые великаны с арктических островов, хотя и обладают несколько фантастической внешностью, имеют дома, носят меховую одежду, промышляют северных оленей, песцов, морских животных и мамонтовую кость, ездят на собачьих нартах. Их быт в целом напоминает хозяйство и занятия носителей древних культур циркумполярного мира. Среди находок, обнаруженных на археологических памятниках якутской Арктики, помимо останков лося и северного оленя, встречаются кости волка, песца, водоплавающих птиц, куропаток и др. У села Тумат в бассейне реки Яны в отложениях позднего плейстоцена найдены останки щенков собаки, а на Жоховской стоянке — фрагмент санного полоза. Можно предположить, что это деталь собачьей нарты [5].

Известный русский географ, этнограф и археолог Д. Н. Анучин отмечал, что древние записи «О человецех незнаемых в восточной стране» представляют большой интерес для этнографии народов, проживающих по нижнему течению Оби и по реке Таз — «объ Юракахъ, Каменскихъ Самоедахъ и другихъ племенахъ», и первобытной истории. В специальной работе, посвященной данному сочинению он, комментируя записи о самоедских «пигмеях» П. Петрея — шведского дипломата и историка (1570–1622), сравнивает эти рассказы с германскими (готскими) и финскими (карельскими) преданиями о карликах [4, с. 45].

В этой связи определенный интерес представляет рассказ о маленьких человечках из фольклора оленекских эвенков. Описание жилищ из снега и льда, охоты на тюленей и белуг указывает на быт северо-восточных палеоазиатов, что усиливается описанием извержения ледяной горы подобно вулкану. Кстати, географическое название Камчатка, хотя и редко, но встречается в фольклорных текстах народов Якутии. Сопредельной с Якутией территорией распространения подобных преданий является север Западной Сибири. Так, в верховьях Нижней Тунгуски до тунгусов обитали так называемые *чури* —

«карлики», которые в отличие от них ели сырую рыбу и собачье мясо, снимали чулком шкуру с живых диких оленей (ради забавы) и т. д. Известны и другие названия – *чулурэ*, *чулурэ-сэлэргун* (эвенк. *сэлэ* — «металл», «железо»). Отсюда следует, что «карлики» были знакомы с металлургией. Данный сюжет соотносится также с преданиями ненцев о малорослом народе *сихиртя*, *сиртя*, живущим в пещерах гор, где находят их «клады» — латунные и медные чашечки и бляшки. Они пасли земляных оленей (мамонтов), передвигались на собачьих упряжках, ловили рыбу. Девушки и женщины *сихиртя* пришивали на рукава много металлических колокольчиков. Сопоставляя эти предания с археологическими материалами древних поселений на территории Ямала, некоторые исследователи считают этот народ древними обитателями субарктики, сезонно кочевавшими от тайги до морского побережья, где занимались также промыслом морских зверей [\[24\]](#).

В вышеуказанном раннерусском сочинении о «человецех незнаемых» присутствует и описание «засыпающих» на зиму людей. «Въ той же стране, за теми людьми, есть иная Самоедь такова, какъ и прочіи человеци; по зиме умирають на два месяца, умирають же тако: какъ где застанеть которого въ те ме яци, то туто и сядеть, а у него изъ носа вода изойдетъ, какъ отъ потока, да вымерзнетъ къ земли; и кто человекъ иные земли неведаніемъ то толко отразить, у него спхнеть съ места, то уже не оживеть; а не сопхнеть съ места, то той оживеть и познаеть и речеть ему: „О чемъ мя еси, брате, поуродоваль?“ А оживають, какъ солнце на лето поворотится» [\[21, с.4-5\]](#).

Возникает вопрос о возможных путях проникновения обозначенных сюжетов в фольклор народов Якутии. Самый простой из них – это заимствование из фольклора русско-устинцев, предки которых прибыли на Индигирку на кочах вдоль арктического побережья еще в XVI в., спасаясь от опричников Ивана Грозного. Например, образ якутского духа-хазяина *иччи* морских островов напоминает мифического духа тундры сендушного у русско-устинцев, одетого во все белое и едущего на собаках. Креста он боится, а карты любит. Наиболее храбрые из старорусских промысловиков, если его встретят, то дают карты, спирт и просят дать им взамен «песца поболе». «Только вот кто знается с сендушным, на том свете к сатане пойдет» [\[8, с. 69\]](#).

В легендах о *сиртя* и «засыпающих на зиму» можно выделить два пласта: первый — о досамодийском населении тундры (есть гипотеза, что это были юкагиры), и второй — более ранний, имеющий общие корни с преданиями древнейших обитателей Севера — лапландцев (саамов, лопарей). Примечательно, что вафельная керамика позднего неолита Якутии встречается на обширной территории от Ямала до Фенноскандии, включающей северные территории Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский полуостров России. Считается, что на рубеже позднего неолита и бронзового века предки уралоязычных юкагиров перебрались с Таймыра в Якутию и, расселившись на огромной территории от Анабара до Чукотки, вступили в тесные контакты с местными палеоазиатскими племенами. Высокий уровень мобильности и адаптивности арктических культур задавали настолько высокий импульс коммуникации, что новшество, возникшее в одной части Заполярья, могло за короткий срок перекочевать в другую. В результате сформировалось единое историко-культурное наследие арктической Евразии, в котором фольклор занимает важное место. Примером могут служить хосунные сказания северных якутов-оленоводо-вод о взаимодействии во времена «оленоводческой революции» XV–XVII вв. с чужеродными племенами *саамай* (самодийцы), *майаат* (нганасаны), *дьураах* (юраки, ненцы), *юнгкээбил* (юкагиры), *юрэн/юрэнэй*, *ханаайы* (эвенки). Бытование близких по сюжету преданий у долган и эвенков Красноярского края и нганасан Таймыра свидетельствует о существовании единого фольклорного пространства в

северной Евразии.

Заключение. Анализ преданий, легенд и рассказов якутов о древних обитателях Арктики проявляет наложение разных в хронологическом и этнокультурном отношении фольклорных текстов. Они содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные, пласты мифологических представлений и знаний о природе и быте народов, осваивающих циркумполярный мир, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурам, палеоазиатам, самодийцам и финно-уграм. Столь широкое ареальное распространение можно объяснить тем, что в прошлом почти вся Северная Евразия представляла собой единое культурное пространство. При этом сюжеты преданий и легенд постоянно развивались, впитывая в себя архаичные мифологические представления об окружающем мире, реальные черты быта арктических охотников и оленеводов, обрывки раннерусского, так называемого «раскольнического» (по А.П. Окладникову) фольклора, в которых причудливо переплетались образы от мифологических персонажей — духов-хозяев периферийных пограничных территорий, диких «полулюдей-полуживотных» *чучуна* до представителей чужеродных племен *омук* с их необычной внешностью и повадками.

Потенциал фольклорных материалов для изучения ранних этапов этнической истории и культуры народов Арктической Евразии, ее заселения и освоения на сегодняшний день далеко не исчерпан, что раскрывает новые перспективы для дальнейших междисциплинарных изысканий.

Библиография

1. Анисимова, М. А. Оленёк – по следам Юрэн Хосуна. В 2 кн. Кн. Фольклор / М. А. Анисимова. – Якутск : Бичик, 2012. 192 с. (на як. яз.).
2. Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака : древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» : археолого-этнографический этюд : с 14-ю рисунками в тексте. – М. : Тип. и словолития О. О. Гербек, 1890. – 89 с.
3. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. Оп. 12. Д. 44. Л. 359–362.
4. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 46. Л. 431.
5. Боескоров, Г. Г. К истории формирования домашней собаки на территории Якутии / Г. Г. Боескоров, А. Д. Степанов, В. Н. Винокуров [и др.] // Вестник СВФУ. – 2015. – № 5 (49). – С. 5–17.
6. Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. Т. 7: (Буквы Нь-П). – Новосибирск : Наука, 2011. – 572 с.
7. Бравина, Р. И. Затерянные племена Северной Азии: по легендам и преданиям якутов и эвенков / Р. И. Бравина // IV Роббековские чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (23-24 марта 2022 г.). – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2022. – С. 359–370.
8. Гурвич, И. С. Таинственный чучуна (история одного этнографического поиска). – М. : Мысль, 1975. – 96 с.
9. Долгих, Б. О. Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Б. О. Долгих. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. – 341 с. – («Сказки и мифы народов Востока»)
10. Исторические предания и рассказы якутов. В 2 т. Т. 1. / Под ред. А. А. Попова. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. – 322 с.
11. История Якутии: в 3 т. Т. 1. / под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И.

- Бравина, Е. Н. Романова. – Новосибирск : Наука, 2020. – 536 с.
12. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 1. / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Бичик, 1992. – 416 с.
 13. Ксенофонтов, Г. В. Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. В 2 кн. Кн. 2. / Г. В. Ксенофонтов. – Якутск : Бичик, 1992. – 316 с.
 14. Никифоров, В. М. Якутские народные предания: художественные особенности и историческое развитие жанра / В. М. Никифоров. – Новосибирск : Наука, 1994. – 120 с.
 15. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. – Якутск : Кн. изд-во, 1982. – 432 с.
 16. Окладников, А.П. Русские полярные мореходы в XVII века у берегов Таймыра / А. П. Окладников. – М.; Л. : Изд-во и тип. Главсевморпути, 1948. – 158 с.
 17. Окладников, А. П. Исторические рассказы и легенды нижней Лены. // Сборник МАЭ. – Т. 11. – М.; Л., 1949. – С. 73–109.
 18. Роббек, В. А., Роббек, М. Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск : Наука, 2004. – 356 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 6).
 19. Серошевский, В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования В. Л. Серошевского. Т. 2: Материалы, варианты, заметки и сказки, оставшиеся от I-го тома. – Якутск : Алаас, 2022. – 320 с.
 20. Таксами, Ч. М. Общие черты в духовной культуре народов Приамурья и Сахалина // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л. : Наука, 1984. – С. 74–83.
 21. Титов, А. А. Сибирь в XVII веке : Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. – М. : Г. Юдин, 1890. – 216 с.
 22. Толль, Э. В. Плавание на яхте «Заря». – М. : Географгиз, 1959. – 339 с.
 23. Топонимика морей Советской Арктики / Сост. С. В. Попов, В. А. Троицкий. – Л. : Геогр. о-во СССР, 1972. – 316 с.
 24. Хомич, Л. В. Ненецкие предания о сихиртя. // Фольклор и этнография. – Л. : Наука, 1970. – С. 59–69.
 25. Худяков, И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л. : Наука, Ленингр. отделение, 1969. – 439 с.
 26. Эргис, Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М. : Наука, 1974. – 404 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Всем памяты слова М.В. Ломоносова о том, что богатство России прирастать будет Сибирью. И действительно, Сибирь это не только богатая палитра природных ресурсов, но выражение подлинной силы духа, как коренных народов, так и русских людей, которые приложили огромные усилия на ее освоение. В условиях современных геополитических вызовов представляется важным изучение исторического опыта освоения Сибири, особенно ее арктических районов, которые предъявляют повышенные требования к человеку своей экстремальной повседневностью.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является фольклорный материал о древних обитателях

Якутской Арктики. Автор ставит своими задачами осуществить «обобщение, систематизацию и анализ фольклорных текстов о древних обитателях якутской Арктики с привлечением материалов мифологии».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать этнокультурный ландшафт Восточно-Сибирской Арктики. Научная новизна статьи заключается также в привлечении архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена опубликованными материалами по якутскому фольклору, а также документами из фондов Якутского научного центра Сибирского отделения РАН. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды И.А. Худякова и Г.У. Эргиса, в центре внимания которых различные аспекты этнографического изучения Восточно-Сибирской Арктики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как этнографией, в целом, так и этнографией Восточно-Сибирской Арктики, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «любой этнокультурный ландшафт сохраняет в себе разновременные и разнородные, различные по своему происхождению слои знаний и представлений о его обитателях». На основе изучения обширного пласта фольклорных текстов автор отмечает, что они «содержат в себе разновременные, в том числе глубоко архаичные, пласты мифологических представлений и знаний о природе и быте народов, осваивающих циркумполярный мир, присущих как якутам, так и тунгусо-маньчжурам, палеоазиатам, самодийцам и финно-уграм». Сам автор объясняет это тем, что «в прошлом почти вся Северная Евразия представляла собой единое культурное пространство». В работе показано, что «в традиционном обществе коллективное сознание оставалось глубоко мифологизированным и воспринимало аборигенные племена как обитателей иных миров».

Главным выводом статьи является то, что «потенциал фольклорных материалов для изучения ранних этапов этнической истории и культуры народов Арктической Евразии, ее заселения и освоения на сегодняшний день далеко не исчерпан, что раскрывает новые перспективы для дальнейших междисциплинарных изысканий».

К статье есть замечания, относящиеся к оформлению: так, в библиографии некорректно отображается ряд ссылок.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».